

— Если вам не нравится улыбаться, можете прикрыть лицо тканью. Если вы не узнаете кого-то, я помогу. Я рад, что вы решили остаться.

— У вас есть ещё что-то сказать?

— Вы всё уже сказали, мне нечего добавить, — глядя на него, Чу Тянью сохранял невозмутимое выражение лица. — Но есть одно условие: я помогу вам не больше месяца, а затем покину Юньцзян.

Он всё же занимал тело Чу Тянью, и, хотя это произошло случайно, в его сердце оставалось чувство вины. Месяц, возможно, не сможет всё компенсировать, но у него больше не было времени...

Цзи Уя кивнул, думая, что, возможно, он и сам не продержится в семье Мо и двух недель. Если он уйдёт, то не оставит спутницу Дао здесь одну.

В этот момент защитный барьер у двери дрогнул, и оба в комнате одновременно повернули головы.

Чу Тянью легко снял барьер и произнёс:

— Войдите.

Вошедшей оказалась Лань Цин.

Цзи Уя примерно понимал, зачем она пришла, и, улыбнувшись, обратился к супруге:

— Супруга, вам лучше сначала принять ванну.

Чу Тянью подумал, что Мо Чанфэн, узнав, что он вовсе не женщина, пожалеет о своих словах.

Его лицо оставалось спокойным, и, учитывая, что Лань Цин всё ещё была рядом, он не видел смысла делать из этого проблему.

Лань Цин увела супругу, а Цзи Уя, оставшись один в комнате, взмахом руки закрыл дверь и направился за ширму, чтобы раздеться.

Его воротник был слегка растрёпан, и, хотя он привёл себя в порядок перед выходом из храма, следы крови на нём не исчезли.

Он приложил руку к груди, и вскоре перед его глазами появилась чешуя.

Чешуя действительно слилась с его сердцем, но утверждение, что её нельзя извлечь, было ложью.

У драконов за жизнь несколько раз меняется чешуя, и он даже использовал свою чешую для создания артефактов. Извлечь чешую, вросшую в плоть, было не так уж сложно, если терпеть боль.

— Это действительно моя чешуя, — он играл с чешуёй в руке. Эта чешуя не могла выпасть естественным образом, её явно вырвали.

Почему я не помню, как отдал кому-то чешую из своего сердца?

Цзи Уя быстро перебирал воспоминания. Он был Владыкой демонов Сюаньли в Низшем Бессмертном Мире три тысячи лет назад, и сейчас ему было трудно вспомнить те времена.

До того как он увидел эту чешую, он даже не помнил, что отдал её кому-то, и не знал, что у него её не хватает.

— Может, я действительно в прошлом завёл какой-то роман, но забыл об этом? — Цзи Уя вздрогнул.

Нет, это точно не так. Если бы я действительно полюбил кого-то настолько, что отдал бы чешую из сердца, и даже родил бы ребёнка, я бы не смог забыть.

— Тогда давайте посмотрим, что запечатано на этой чешуе. Нарочно оставили для потомков? — он усмехнулся.

Хотя драконья чешуя признаёт только своего хозяина, это касается обычной чешуи. Его чешуя из сердца признавала только его и его спутницу Дао. Даже его прямые потомки не могли заставить её признать их.

Он попробовал коснуться чешуи своей духовной силой, но защитная печать остановила его. Лицо Цзи Уя потемнело.

Оказалось, он был прав. Эта печать была слишком сильной для его текущего уровня. Метод запечатывания был не его, а скорее похож на технику последователей бессмертных.

Тот, кто наложил печать, должен был находиться на этапе единения с телом. Хотя у него была духовная сила Сферы Таинственного Бессмертного, его текущий уровень был лишь седьмым уровнем практики ци.

Не тратя слишком много духовной силы, он не мог сломать эту печать, не говоря уже о том,

чтобы увидеть, что за ней скрыто.

— Здесь точно не то, что Мо Сяюнь называл наследием, — Цзи Уя понял, что всю семью Мо обманули, и его лицо стало странным.

Он снова оделся и подошёл к туалетному столику.

Его взгляд прошёл мимо аккуратно убранного лунного кулона и остановился на одном из ящичков. Он провёл рукой с особым заклинанием, которое служило ключом для открытия ящичка, и, почувствовав всплеск энергии, выдвинул его.

Внутри лежало множество нефритовых флаконов с пилюлями. Он взял один из чёрных флаконов, открыл его, понюхал и вытащил несколько флаконов с аналогичными пилюлями.

Эти пилюли были даны Мо Сяюнем. Большинство из них предназначались для практикующих ци, и в них было мало примесей. Некоторые же были Пилюлями Таинственного Нефрита для этапа закладки основания, и одна такая пилюля заменяла три дня медитации для практикующего.

— Проблем с пилюлями нет, качество среднее, но сойдёт. Только вот техника изготовления... почему она не изменилась за тысячи лет?

Цзи Уя встал и с ироничной улыбкой поставил флакон на стол.

— Нет прогресса, и техника изготовления всё та же... Интересно, как бы они отреагировали, узнав, что Истинный человек Сюаньян и Владыка демонов Сюаньли — это один и тот же человек.

Прошло уже несколько тысяч лет, и, вспоминая прошлое, он чувствовал лишь иронию, а не гнев.

Это и понятно. Три тысячи лет — это достаточно, чтобы даже практикующий, достигший этапа преодоления небес, умер, не говоря уже о простых смертных, которые успели переродиться десятки раз.

Цзи Уя почувствовал, что он отпустил прошлое. Ведь он даже не мог вспомнить, почему когда-то оставил путь бессмертных и встал на путь демонов.

— Интересно, обрадуется ли супруга, если я... — теперь, когда у него был спутник Дао, Цзи Уя был готов баловать её и даже подумывал о том, чтобы самому начать создавать пилюли.

Только потому, что эти пилюли были ему не по душе, и он хотел подарить их своей супруге. По

сравнению с друзьями в Высшем Сокровенном Мире, которые всегда умоляли его создать пилюли, это было явным предпочтением.

...

Чу Тянью, сохраняя внешнее спокойствие, смотрел на огромную ванну перед собой. Лань Цин помогала ему раздеться, и, хотя он ожидал этого, когда момент настал, он почувствовал сильное сопротивление.

Вскоре на нём осталась только нижняя одежда, и Чу Тянью не выдержал, прервав действия Лань Цин.

— Уходи, остальное я сделаю сам, — в отличие от утра, когда ему нужно было скрывать свою личность, теперь он мог не терпеть.

Чу Тянью игнорировал вопросительный взгляд Лань Цин, но в душе он был ещё более уверен в своём решении убрать её от себя.

Лань Цин, как личная служанка Чу Тянью, слишком легко могла заметить разницу между ними.

— Хорошо, молодая госпожа, — Лань Цин, хоть и была удивлена, покорно согласилась, добавив на выходе:

— Я буду ждать за дверью. Если позовёте, я сразу услышу.

— Хорошо.

Вскоре в комнате для купания остался только Чу Тянью.

Ванна была наполнена горячей водой, на поверхности плавали лепестки цветов. Рядом стояла небольшая лестница, ожидая, когда он снимет одежду и войдёт.

На деревянной стойке висели женские платья, пропитанные ароматом цветов. Холодное лицо Чу Тянью не выдавало его внутреннего смущения.

— Быстрее закончить, — прошептал он, так тихо, что только он сам мог услышать.

В следующее мгновение, закрыв глаза, он снял одежду. Его духовное сознание, достигшее этапа закладки основания, сканировало окружение, как вторые глаза.

Чу Тянью поднялся по лестнице и вошёл в ванну, оставив на поверхности только голову. Лепестки скрывали его тело, наполовину скрытое под водой.

Это был, вероятно, самый быстрый раз, когда он принимал ванну. Его белая рука вынырнула из воды, взяла немного ароматного крема с полки и нанесла на тело.

После купания он накинул белую нижнюю одежду на ещё влажное тело, без тени смущения надевая платье.

— Почему женская одежда такая сложная? — он невольно нахмурился. К счастью, Лань Цин разложила всё по порядку, и, хотя надеть её было сложно, он не ошибся.

Одежда знатных семей имела свои правила, и нарушение их было бы смешным.

На то, чтобы одеться, ушло целых пятнадцать минут. Стоя перед зеркалом и поправляя рукава и воротник, Чу Тянью увидел в отражении женщину с покрасневшим лицом — от долгого стояния в тепле — и блестящими глазами — от пара. Он невольно сморщился.

<http://bllate.org/book/15414/1363162>